

Кластер может быть в любой области

Щедровицкий П.Г. Кластер может быть в любой области [Электронный ресурс] : ИА «1-LINE». 14.02.14.

URL : <https://1line.info/interviews/ekonomika/chedrovicki.html>

Эксперт по инновационной деятельности, член экспертного совета при Правительстве РФ, член Совета кластера Железногорска Петр Щедровицкий убежден, что кластерная модель делает эффективным развитие в любой отрасли.

— Пётр Георгиевич, Вы последовательно проводите в жизнь принципы кластерной модели, утверждая, что в ней может развиваться любой вид деятельности. Медицина, образование, туризм, торговля, виноделие, инновации... О чём речь? И, если можно, простой и наглядный пример, пожалуйста.

Да. Любой вид деятельности может быть основой кластеризации: производственные и транспортные процессы, образовательная деятельность, медицина, торговля... Простой пример? Пожалуйста: рыбный рынок в Токио — крупный торговый, производственный и сервисный кластер. Это можно увидеть, придя туда рано утром: транспорт рыбы, продажа, в том числе аукционная, разделка, упаковка, отправка заказов в рестораны, погрузка в холодильное оборудование, развоз. Добавьте сюда еще санитарный и медицинский контроль, страхование. Там же рыбу и готовят. Вокруг огромное количество ресторанов — участников рыбного кластера, подающих самую свежую рыбу по минимальной цене, и люди очень любят ходить туда завтракать. Вот наглядный пример того, что любой вид деятельности поддается эффективному пространственному уплотнению. И по масштабам

финансовых оборотов рыбному рынку в Токио могут позавидовать многие крупные компании.

— Соответственно, есть возможность держать привлекательную для потребителя цену на товар?

Не только. Занятые в работе этого кластера тоже выигрывают: если одно предприятие разорилось, люди легко переходят в другое. Не будет такой катастрофы, как у нас сегодня наблюдается в монопрофильных городах, когда градообразующее предприятие закрылось и всему городу нечего есть. В условиях кластера все производственные и экономические процессы носят гораздо более интенсивный характер, они предоставляют больше шансов для предпринимательства и занятости. И надо сказать, что поняли это не сегодня, у понятия «кластер» глубокие корни. Если говорить о ранних формах этого явления, то стоит вспомнить деревни кузнецов, деревни бочкарей в Европе и России или же селения в Японии, в которых концентрировалось производство фарфора, шелка и т. д. Эта модель, по большому счету, идет из глубины веков.

— Но эти селения еще нельзя назвать кластерами в полном смысле этого слова, как я понимаю? Когда и где в мире проявились первые черты бизнеса, организованного по профессиональной кластерной модели?

Интерес к этой теме, как в теории, так и в управленческой практике, особенно остро вспыхнул в начале XX века. В Англии, в частности, заметили отставание от новых индустриальных стран, например от США, в том числе в традиционной для англичан лидирующей отрасли — текстильной промышленности. И крупный английский экономист Альфред Маршалл задал себе вопрос: почему так произошло и что

можно сделать? Начал анализировать ситуацию, ввел понятие промышленных округов и теоретически описал феномен кластеризации.

— В чем он заключается, этот феномен?

Как я уже сказал, в концентрации предприятий общего профиля на одной территории, что влечет за собой дополнительные синергетические эффекты. Сам Маршалл в качестве важнейшего механизма рассматривал концентрацию квалифицированных кадров, обладающих уникальными компетенциями и ноу-хау, рост возможностей обмена этими компетенциями между различными предприятиями. При этом Маршалл был не первым, кто обратил внимание на экономические эффекты кластеризации: до него экономгеографы неоднократно отмечали, во-первых, значимость пространственного размещения промышленности для экономики, а во-вторых, существование различных типов пространственной организации. Сам термин, как мне кажется, впервые появился еще у немецкого экономиста Иоганна-Генриха Тюнена в 1826 году. Тюнен размышлял о влиянии пространственного размещения разных отраслей сельского хозяйства на их экономическую эффективность. Он это делал для оценки своего собственного проекта, выбирая какие сельхозкультуры культуры более эффективно выращивать на том или ином расстоянии от города, с экономической точки зрения. Но при этом, несмотря на такую прагматичную задачу, вводил и общие понятия. Интересно, что Тюнен противопоставил кластер собственно городу, то есть концентрацию одинаковых видов деятельности на одной территории противопоставил городу как разнообразию образов жизни и типов деятельности.

— Пётр Георгиевич, пару слов о том, какие преимущества дает тот или иной отрасли кластер?

Уже тогда, в XVIII веке, было понятно, что для успеха в любой отрасли важна цена инфраструктурных услуг. Объединение на одной территории однотипных предприятий позволяет каждому из них сократить издержки на инфраструктуру: энергетику, транспорт, специализированные инфраструктуры, например в химической промышленности и т. д. Кластеризация позволяет углубить разделение труда, в частности за счет объединения общих для разных предприятий технологических переделов, в том числе в новые фирмы, которые начинают оказывать специализированные услуги всем предприятиям кластера.

Но самый главный фактор — если в кластере вообще можно говорить о главном и второстепенном — это, как и писал Маршалл, переток знаний. Причем в том числе тех знаний, которые в буквальном смысле переносятся на людях: не теоретические обобщения, уже попавшие в учебники, а то, что знают и умеют люди. Кроме того, когда вы концентрируете в одной точке людей, занимающихся одним и тем же видом деятельности, между ними возникает более плотная коммуникация и обмен опытом. Происходит своего рода повышение квалификации, но не в институте, а в соседнем баре, куда они приходят вечером после работы и обмениваются новостями и соображениями. Плюс прямой переток людей, когда они переходят с одного предприятия на другое, перенося вместе с собой свои компетенции, которые все равно остаются внутри одного дела. И если возникли, например, какие-то ноу-хау, то в условиях постоянной коммуникации и территориальной близости предприятий они распространяются быстрее.

— Казалось бы, такая концентрация предприятий одного профиля должна подстегивать конкуренцию и уж ни в коем случае не работать на общую задачу...

Обратите внимание, начиная со средних веков, в разных регионах мира возникали специализировавшиеся на каком-то виде деятельности территории. Уже упомянутые мной деревня ткачей, гончаров, бочкарей, кузнецов, стекольщиков... Или, скажем, торговая и производственная специализация итальянских городов-государств: Венеции, Флоренции, Генуи. И действительно, поверхностная логика подсказывает: зачем же им объединяться и жить на одной территории, если они конкуренты? А оказывается, ничего подобного. Да, они, может быть, и конкуренты, но в гораздо большей степени они кооперанты. За счет специализации в одном виде деятельности они достигают углубления своей компетенции, от чего выигрывают все. К тому же в связи с существующим разделением труда в кластере можно говорить о том, что каждое «предприятие» занимается своим делом, своим узким переделом, и все они оказываются жизненно нужными друг другу. Конечно, конкуренция никуда не исчезает и может обостряться, особенно в периоды экономических спадов. И в итальянских городах-государствах были периоды, когда шла настоящая гражданская война между кланами внутри одного города. Но положительный экономический эффект от кластеризации все равно сохранялся даже в эти сложные периоды.

— К вопросу об отраслях: мы начали с того, что, в принципе, что угодно может быть предметом кластеризации, и перечислили совершенно разные сферы — от производства до торговли.

Это действительно так. Наряду с производственным (химическими, электротехническими и иными) или сельскохозяйственными кластерами может, например, существовать винный кластер в Тоскане.

— Кластер силен составляющими — разными предприятиями, объединенными одной производственной целью. Какие составляющие могут быть, в частности, в винном кластере?

Все необходимые для создания вина — конечного продукта. Выращивание винограда, производство самого вина, маркетинг, торговля, стекольные заводы, бумажное производство для создания этикеток, институты, обучающие виноделов и аграриев... Здесь же могут проводиться ключевые конференции специалистов. И не забудьте еще туристические туры для ценителей вин. То есть всё будет привязано к одному базовому виду деятельности, который за собой тянет эффект уплотнения в пространстве и повышения экономической эффективности. Существует простой параметр для измерения эффективности: сколько тысяч человек определенного уровня квалификации сосредоточено на одной территории и сколько денег снимается, а точнее создается, на одном квадратном километре.

— А как выглядит образовательный кластер, если мыслить в этой логике?

Так же. Возьмем, например, Воронеж: как раз тот случай, когда город и есть кластер. Из миллиона воронежских жителей 130 тысяч — студенты. Причем Воронеж стал одним из центров притяжения, например, для украинских студентов. А если вспомнить еще советские времена, то в этот город всегда ехали иностранные студенты. Вот вам типичный

пример: университетский город — самый что ни на есть кластер. Причем эта тенденция сложилась не сегодня. Почему, скажем, в Томске перед революцией 17-го года было два государственных вуза и два частных? Потому что там возник кластер — сконцентрировались преподавательские кадры, студенты. Бюргеры начали строить жилье, чтобы сдавать студентам. То есть в кластер встроилась масса инфраструктурных вещей, например местное сельское хозяйство, потому что студентам надо что-то есть. Или производственные предприятия, обслуживающие учебный процесс. Кластер диктует все: тип пространственной среды, набор культурных учреждений. Если речь идет о научной составляющей вузовского образования, значит, будут и научные школы, институты, и лабораторная база, производство этой лабораторной базы.

Я всегда напоминаю, что сын Дарвина был одним из первых бизнесменов в области создания техники для науки. Он создал фирму, центр которой располагался в Кембридже. С этого и начался кембриджский инновационный кластер. Иногда на базе кластера возникают родовые династии, которые много поколений занимаются каким-то одним видом деятельности. Кембридж, кстати, еще и типичный образовательный кластер: более 30 разных колледжей, в том числе и совершенно новых, а не только Кинг Колледж, который существует с XV века. И вокруг концентрируются обслуживающие виды деятельности.

— Что касается медицины, как в ней работает кластерная модель?

Точно так же. Скажем, любая территория, где есть вода, используемая для оздоровления, например бальнеологический курорт Трускавец в

Львовской области, - кластер? Кластер. Баден-Баден? Тоже кластер. Есть вода, а под это развивается медицина и туристическая отрасль.

— А наш Кавказ?

Вполне. Минеральные Воды, например. Но есть, конечно, некая недоразвитость в силу того, что в Советском Союзе, на мой взгляд, недооценивали эффект кластеризации. Необходимость развития энергетики как ядра создания промышленных районов была, концепция энергопроизводственных комплексов была, а вот развить различные виды бизнесов вокруг длинных технологических цепочек не удалось. Вероятно, в силу недоверия к предпринимательству и рыночным процессам в целом. Поэтому сегодня практически ни один российский регион не может похвастаться успешным опытом создания конкурентоспособных на мировом уровне кластеров.

Хотя любая страна с ее территориальными особенностями всегда, в любые времена, предоставляет какое-то количество возможностей для кластерной модели. Вспомните соляной кластер в Пермском крае в XVI веке — это был крупнейший экспортер и производитель соли. Он же выступал в качестве одного из основных источников государственных налогов и сборов, ведь соль в те времена была единственным способом сохранить продукты.

— Сегодня, как я понимаю, основное внимание сосредоточено не на природных, а на инновационных кластерах, таких как в Железногорске, которые в меньшей степени привязаны к особенностям территории?

Да, наступила эпоха инновационных кластеров. Смысл заключается в том, чтобы собрать на одной территории, например, 10 тысяч ученых, 5–7 крупнейших научных установок, 20 тысяч студентов к ним прибавляются, плюс лаборатории, технологические стартапы, инкубаторы бизнеса, технопарки. Всё это сосредотачивается в очень узкой территориальной зоне. Например, французский Гренобль имеет программу создания мощнейшего инновационного парка с такими параметрами. Или бельгийский Лёвен. И главное, что речь идет о создании полноценной «производственной» системы, только производить она будет не металл или продукты нефтехимии, а стартапы, то есть новые предприятия и новые бизнесы. Задачи перед такими кластерами ставятся также вполне «производственные»: скажем, запустить 100–200 стартапов в год. И это уже реально работает.

— Вы считаете, что в будущем кластеризация станет развиваться именно в области высоких технологий? Или по-прежнему останутся кластеры, ориентированные на природные условия — медицинские, туристические и т. д.?

Я полагаю, что разные виды кластеров будут существовать и развиваться параллельно. Ведь в случае с кластером не важно «что», а важно «как». Главное, что сама кластерная модель — принцип концентрации на одной территории производственных мощностей и человеческого капитала — прошла многократную проверку в ходе истории человечества.

Материал на сайте:

<https://shchedrovitskiy.com/klaster-mozhet-byt-v-lyuboy-oblasti>